

ГЛ *Классика лекций*

Юрий
ЛОТМАН

КУЛЬТУРА И ВЗРЫВ

Беседы о литературе

Издательство АСТ

Москва 2019

УДК 003
ББК 81.0
Л80

Дизайн серии Григория Калугина

В оформлении переплета использована репродукция картины
Ю.П. Анненкова «Портрет фотографа-художника М.А. Шерлинга»

Во вклейке использованы фотографии
из фондов Shutterstock

Подготовка текста, послесловие *Татьяны Кузовкиной*
(Институт гуманитарных исследований Таллинского университета; работа
выполнена при поддержке Эстонского агентства по науке, грант PUT1366)

Лотман, Юрий Михайлович.
Л80 Культура и взрыв / Юрий Лотман; подгот. текста, послесловие
Татьяны Кузовкиной. – Москва : Издательство АСТ, 2019. – 256 с. –
(Классика лекций).

ISBN 978-5-17-106658-1

«Культура и взрыв» – одна из последних прижизненных монографий Лотмана, ставшая интеллектуальным бестселлером в нашей стране и за рубежом. Думая о роли знака в культуре, а также о том, как случайность и непредсказуемость влияют на ход истории, Лотман ввел понятие «взрыв», которым обозначал динамичные изменения во всех сферах культуры и науки. Как это происходит, он объясняет, обращаясь к произведениям Гомера, Шекспира, Пушкина, Гоголя, Пастернака, Булгакова, к живописным полотнам Веласкеса, Ван Эйка и других, рассматривая процесс смешения языков, работу подсознания во время сновидений, сравнивая русскую и европейскую культуру.

УДК 003
ББК 81.0

ISBN 978-5-17-106658-1

©Tallinn University, 2019
©Т.Д. Кузовкина, подготовка текста, послесловие, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Незабвенной памяти
Зары Григорьевны Минц*

Постановка проблемы

Основными вопросами описания всякой семиотической системы являются, во-первых, ее отношение к вне-системе, к миру, лежащему за ее пределами, и, во-вторых, отношение статики к динамике. Последний вопрос можно было бы сформулировать так: каким образом система, оставаясь собой, может развиваться. Оба эти вопроса принадлежат к наиболее коренным и одновременно наиболее сложным.

Отношение системы к внележащей реальности и их взаимная непроницаемость со времен Канта неоднократно делались предметами рассмотрения. С семиотической точки зрения оно приобретает вид антиномии языка и запредельного для языка мира. Пространство, лежащее вне языка, попадает в область языка и превращается в «содержание» только как составной элемент дихотомии содержания-выражения. Говорить о невыраженном содержании – нонсенс¹. Таким образом, речь идет не об отношении содержания и выражения, а о противопоставлении области языка с его содержанием и выражением вне языка лежащему миру. Фактически этот вопрос сливается со второй проблемой: природой языковой динамики.

¹ Сказанное не исключает того, что выражение может быть реализовано значимым нулем, присутствовать как отсутствие:

[...] И лишь молчание понятно говорит [...]

(Жуковский В.А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 336).

План содержания в том виде, в каком это понятие было введено Ф. де Соссюром, представляет собой конвенциональную реальность. Язык создает свой мир. Возникает вопрос о степени адекватности мира, создаваемого языком, миру, существующему вне связи с языком, лежащему за его пределами. Это старая, поставленная Кантом, проблема ноуменального мира. В кантовской терминологии план содержания «[...] есть самосознание, порождающее представление я *мыслю*, которое должно иметь возможность сопровождать все остальные представления и быть одним и тем же во всяком сознании; следовательно, это самосознание не может сопровождаться никаким иным [представлением], и потому я называю его также *первоначальной апперцепцией*. Единство его я называю также *трансцендентальным* единством самосознания, чтобы обозначить возможность априорного познания на основе этого единства. В самом деле, многообразные представления, данные в некотором созерцании, не были бы все вместе *моими* представлениями, если бы они не принадлежали все вместе одному самосознанию; иными словами, как мои представления (хотя бы я их и не признавал таковыми), они все же необходимо должны сообразоваться с условием, единственно при котором они *могут* находиться вместе в одном общем самосознании, так как в противном случае они не все принадлежали бы мне»¹.

Таким образом, исходно предполагается существование двух степеней объективности: мира, принадлежащего языку (то есть объективного, с его точки зрения), и мира, лежащего за пределами языка².

Одним из центральных вопросов окажется вопрос перевода мира содержания системы (ее внутренней реально-

¹ Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 191–192.

² Мы сознательно вносим некоторую трансформацию в идею Канта, отождествляя его «я» с субъектом языка.

сти) на внележащую, запредельную для языка реальность. Следствием будут два частных вопроса:

1) необходимость более чем одного (минимально двух) языков для отражения запредельной реальности;

2) неизбежность того, что пространство реальности не охватывается ни одним языком в отдельности, а только их совокупностью.

Представление о возможности одного идеального языка как оптимального механизма для выражения реальности является иллюзией. Минимальной работающей структурой является наличие двух языков и их неспособность, каждого в отдельности, охватить внешний мир. Сама эта неспособность есть не недостаток, а условие существования, ибо именно она диктует необходимость *другого* (другой личности, другого языка, другой культуры). Представление об оптимальности модели с одним предельно совершенным языком заменяется образом структуры с минимально двумя, а фактически с открытым списком разных языков, взаимно необходимых друг другу в силу неспособности каждого в отдельности выразить мир. Языки эти как накладываются друг на друга, по-разному отражая одно и то же, так и располагаются в «одной плоскости», образуя в ней внутренние границы. Их взаимная непереводаемость (или ограниченная переводимость) является источником адекватности внеязыкового объекта его отражению в мире языков. Ситуация множественности языков исходна, первична, но позже на ее основе создается стремление к единому, универсальному языку (к единой, конечной истине). Это последнее делается той вторичной реальностью, которая создается культурой.

Отношения между множественностью и единственностью принадлежат к основным, фундаментальным признакам культуры. Логическая и историческая реальность здесь расходятся: логическая конструирует условную модель некоторой абстракции, вводя единственный случай, который должен воспроизвести идеальную общность.

Так, для того чтобы понять сущность человечества, философия Просвещения моделировала образ Человека. Реальное движение развивалось иным путем. Некоторой условной исходной точкой можно взять стадное поведение и/или поведение генетически унаследованное, которое не было ни индивидуальным, ни коллективным, поскольку не знало этого противопоставления. То, что не входило в этот обычный тип поведения, являлось знаково не существующим. Этому «нормальному» поведению, не имеющему признаков, противостояло только поведение больных, раненых, тех, что воспринимались как «несуществующие». Так, например, Толстой в «Войне и мире» глубоко показал сущность этой древней стадной психологии, описав, как во время отступления пленных русских вместе с отходящей французской армией погибает Платон Каратаев. Пьер Безухов, вместе с ним совершающий этот трудный поход, перестает замечать своего друга. Даже момент, когда французский солдат убивает Платона Каратаева, Пьер видит/не видит – происходит расслоение психологического и физиологического зрения¹.

Следующий этап состоит в том, что нетиповое поведение включается в сознание как возможное нарушение нормы – уродство, преступление, героизм. На этом этапе происходит вычленение поведения индивидуального (аномального) и коллективного («нормального»). И только на следующем этапе возникает возможность индивидуального поведения как примера и нормы для общего, а общего – как оценочной точки для индивидуального, то есть возникает единая система, в которой эти две возможности реализуются как неразделимые аспекты единого целого.

Таким образом, индивидуальное поведение и коллективное поведение возникают одновременно как взаимне-обходимые контрасты. Им предшествует неосознанность и,

¹ См.: Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1980. Т. 7. С. 168–169.

следовательно, социальное «не-существование» ни того ни другого. Первая стадия выпадения из неосознанного – болезнь, ранение, уродство или же периодические физиологические возбуждения. В ходе этих процессов выделяется индивидуальность, потом вновь растворяющаяся в безындивидуальности. Заданные постоянные различия поведения (половые, возрастные) превращаются из физиологических в психологические только с выделением личности, то есть с появлением свободы выбора.

Так постепенно психология и культура отвоевывают пространство у неосознанной физиологии.

Система с одним языком

Ставшая уже традиционной модель коммуникации типа:

12

Юрий Лотман

усовершенствованная Р.О. Якобсоном, легла в основу всех коммуникационных моделей. С позиции этой схемы, целью коммуникации (как подсказывает само слово *communitas* – общность, общение) является адекватность общения. Помехи рассматриваются как препятствия, вызываемые неизбежным техническим несовершенством. Кажется, что в идеальной модели, в сфере теории, ими можно пренебречь.

В основе этих рассуждений – абстракция, предполагающая полную идентичность передающего и принимающего, которая переносится на языковую реальность. Однако абстрактная модель коммуникации подразумевает не только пользование одним и тем же кодом, но и одинаковый объем памяти у передающего и принимающего. Фактически подмена термина «язык» термином «код» совсем не так безопасна, как кажется. Термин «код» несет представление о структуре только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью. Код не подразумевает истории, то есть психологически он ориентирует нас на искусственный язык, который и предполагается идеаль-

ной моделью языка вообще. «Язык» же бессознательно вызывает у нас представление об исторической протяженности существования. Язык – это код плюс его история. Такое понимание коммуникации таит в себе фундаментальные выводы.

Передача информации внутри «структуры без памяти» действительно гарантирует высокую степень идентичности. Если мы представим себе передающего и принимающего с одинаковыми кодами и полностью лишенными памяти, то понимание между ними будет идеальным, но ценность передаваемой информации минимальной, а сама информация – строго ограниченной. Такая система не сможет выполнять всех разнообразных функций, которые исторически возлагаются на язык. Можно сказать, что идеально одинаковые передающий и принимающий хорошо будут понимать друг друга, но им не о чем будет говорить. Идеалом такой информации действительно окажется передача команд. Модель идеального понимания неприменима даже к внутреннему общению человека с самим собой, ибо в этом последнем случае подразумевается перенесение напряженного диалога внутрь одной личности. По словам гётевского Фауста, —

Zwei Seelen wohnen, ach, in meinen Brust!
Die eine will sich von der andern trennen¹.

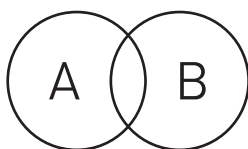
В нормальном человеческом общении и, более того, в нормальном функционировании языка заложено предположение об исходной неидентичности говорящего и слушающего.

В этих условиях нормальной становится ситуация пересечения языкового пространства говорящего и слушающего:

¹ Две души, увы, живут в моей груди!

И одна хочет оторваться от другой.

(«Фауст», часть 1, сцена 2. Перевод Ю.М. Лотмана. – *Ред.*)

В ситуации непересечения общение предполагается невозможным, полное пересечение (идентичность А и В) делает общение бессодержательным. Таким образом, допускается определенное пересечение этих пространств и одновременно пересечение двух противоборствующих тенденций: стремление к облегчению понимания, которое будет постоянно пытаться расширить область пересечения, и стремление к увеличению ценности сообщения, что связано с тенденцией максимально увеличить различие между А и В. Итак, в нормальное языковое общение необходимо ввести понятие напряжения, некоего силового сопротивления, которое пространства А и В оказывают друг другу.

14

Юрий Лотман

Пространство пересечения А и В становится естественной базой для общения. Между тем как непересекающиеся части этих пространств, казалось бы, из диалога исключены. Однако мы здесь оказываемся еще перед одним противоречием: обмен информацией в пределах пересекающейся части смыслового пространства страдает все тем же пороком тривиальности. Ценность диалога оказывается связанной не с той пересекающейся частью, а с передачей информации между непересекающимися частями. Это ставит нас лицом к лицу с неразрешимым противоречием: мы заинтересованы в общении именно с той сферой, которая затрудняет общение, а в пределе – делает его невозможным. Более того, чем труднее и неадекватнее перевод одной непересекающейся части пространства на язык другой, тем более ценным в информационном и социальном отношении становится факт этого парадоксального общения. Можно сказать, что перевод непереводаемого оказывается носителем информации высокой ценности.

Рассмотрим примеры: с одной стороны, перевод при относительной близости языков, с другой – при их принципиаль-

ном различии. Перевод в первом случае будет относительно легким. Во втором случае он неизбежно связан с трудностями и будет порождать смысловую неопределенность. Так, например, если первый случай – перевод нехудожественного текста с одного естественного языка на другой, то обратный перевод возвратит нас в определенной степени к исходному смыслу. Если же рассмотреть случай перевода с языка поэзии на язык музыки, то достижение однозначной точности смысла делается в принципе невозможным. Это отражается и на огромной вариативности в случае обратного перевода¹.

Языковое общение рисуется нам как напряженное пересечение адекватных и неадекватных языковых актов. Более того, непонимание (разговор на не полностью идентичных языках) представляется столь же ценным смысловым механизмом, что и понимание. Исключительная победа любого из этих полюсов – разрушение информации, которая создается в поле их взаимного напряжения. Разные формы контакта – с обычным языковым общением на одном полюсе и художественным на другом – представляют собой сдвиги с нейтральной центральной точки то в сторону легкости понимания, то в противоположную. Но абсолютная победа какого-либо из этих полюсов теоретически невозможна, а практически – гибельна. Ситуация, когда минимальной смыслопорождающей единицей является не один язык, а два, создает целую цепь последствий. Прежде всего, сама природа интеллектуального акта может быть описана в терминах перевода, определение значения – перевод с одного языка на другой, причем внеязыковая реальность мыслится так же, как некоторый язык. Ей приписывается структурная организованность и потенциальная возможность выступать как содержание разнообразного набора выражений.

¹ Случай перевода с языка художественной прозы на язык кинематографа является одной из наиболее усложненных реализаций второго варианта, ибо общность языка художественной прозы и кино – мнимая. Трудности здесь не уменьшаются, а возрастают. Игнорирование этого – источник многочисленных неудач экранизаций.